

25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор -
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

- 10 Приобретение художника Дудина С. ГМЭ (Ленинград), КП 58-37; коллекция Ин-та истории АН ТаджССР, КП 552-3.
- 11 Устное сообщение А.К.Писарчик.
- 12 О лоскутных изделиях к у р о к, подробнее см. Писарчик А.К. и Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи - к у р а м а или к у р о к. - В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза: Душанбе, 1970. - Вып. 2. - С. 203-224.
- 13 См.: Пещерева Е.М. Одежда. - В кн.: Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. - М.; Л., 1954. - С. 142.
- 14 См.: Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. - В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. // Сб. Музея Антропологии и этнографии ХХУ1. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. - С. 44. - Рис. 15, № штанов 3633-381.
- 15 Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, Новая серия, том. XII, М.; Л.: из-во АН СССР, 1959, С. 313.

Н.С.БАБАЕВА

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПОМИНКИ КАК ПЕРЕЖИТОК РИТУАЛЬНОГО УБИЕНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ.¹

В этнографической литературе отмечен своеобразный обычай устроения прижизненных поминок у разных народов², в том числе и у таджиков. По данным М.Рахимова³ и А.К.Писарчик⁴, поминки устраивали сами старые люди (Каратегин, Дарваз, Такоб, Шугнан) или дети состарившимся родителям (Тавильдара, Каратегин, Дарваз), и это воспринималось как проявление "почета и уважения".⁵ В Ура-Тюбе вместо поминок устраивают при жизни обряд прочтения по себе всего Корана "хатми Куръон"⁶ или "тахдил"⁷. Прижизненным поминкам таджиков Шугнана, Рушана и Орошора посвящена специальная статья З.Юсуфбековой.⁸ Статья основана, как пишет автор, "главным образом на ранее неопубликованных материалах, извлеченных из архива И.И.Зарубина и дополненных полевыми материалами автора".⁹ В работе дается подробное описание обряда прижизненных поминок, устраиваемых группой людей, достигших 40-50-летнего возраста. Воспринимались поминки как "призыв к вечности".¹⁰ Считалось, что душа такого человека после смерти обязательно попадет в рай.¹¹

По нашим материалам, в районах Кулябской и Курган-Тюбинской областей, в Файзабаде, Душанбе еще и сегодня некоторые старые о люди, независимо от пола, в возрасте от 60 до 70 лет (женщины иногда и раньше) при жизни справляют по себе поминки, причем весь ритуал проводят, как по действительно умершему. По словам информаторов из к.Иол (Кулябская область), каждый пожилой человек обязан проводить "худои дар ҳақи қон"-букв. "поминки за душу". Согласно народным представлениям, все сделанное при жизни самим человеком (будь то заготовка савана, могилы, как и устройство поминок при жизни) для совер-

шающего это дает большую благодать "савоби калон", увеличивает вероятность попадания в рай, в мир предков. Такая душа, попав в рай, будет покровительствовать оставшимся на земле.

Справляют поминки первого дня, седьмого, сорокового и годовые. Так же режут жертвенное животное, так же раздаются "хайрот" — мило — стыня (ткани или деньги). Но чаще ограничиваются поминками седьмого или сорокового дня и годовыми. Одни информаторы объясняют это материальными возможностями отмечающего, другие резонно замечают что "умерший", коль он считается мертвым, не может справиться по себе поминок — 7, 40 и т.д. Как правило, эти доводы приводят таджики, выходящие из района сплошной таджикской оседлости (северная, юго-восточная часть Кулябской области), Дарваза, Джиргаталя. Заметим, что и на Памире, по данным З. Юсуфбековой, поминки при жизни отмечались одним днем, лишь один раз в году.¹² В названных районах поминальный цикл и по действительно умершему также короток. Он состоит из поминок третьего дня (ритуальное очищение дома) и годовых.¹³ Поминки первого дня не было. Анализ материалов по поминальным обрядам показывает, что не только в названных районах, а и вообще у всех таджиков в прошлом не было поминок первого дня.¹⁴ Более того, существовал запрет (соблюдаемый и поныне) готовить в доме умершего в течение трех дней после похорон.¹⁵ Думается, что сокращенный вариант прижизненных поминок и вытекает из этой древней традиции таджиков.

Отмечивший по себе поминки приравняется к умершим — "ба қатори мурдаҳо" букв. "наряду с умершими". Приобщенный к сонму предков "арвоҳо", он становится (по мнению окружающих) "живым арвохом". Поэтому его присутствие во всех общественных мероприятиях "маърака" желательно. Вместе с тем, присутствуя, он не должен есть, даже поминальной пищи: "Ведь человек уже считается как бы умершим, как он может есть поминальную пищу?" Это объяснение, приводимое А. К. Писарчик для к. Такоб¹⁶, обычно и для других мест. Человек, совершивший прижизненные поминки, пользуется авторитетом, уважением людей. К его словам прислушиваются, его наделяют сверхъестественной силой. Например, считают, что дыхание такого человека чистое, хорошее — "да ми хуб, тоза", способно не только облегчить страдания больного, но и излечить.

Как видно из изложенного, совершившего поминки при жизни наделяют положительными качествами. Он занимает почетное положение в обществе и в потустороннем мире. Но несмотря на эти привилегии, как уже было отмечено, не все старые люди стремятся справиться по себе поминки. Информаторы объясняют это ограничениями, которые следует соблюдать отмечившему поминки. По сути дела, человек должен отказать от всех земных радостей, довольствоваться малым (хлеб, вода), стараться жить замкнуто, "таи чодар" — "за занавесью". Нарушение перечисленных ограничений может вызвать насмешки окружающих и якобы возмездие всевышнего. Среди информаторов были и такие, кто не одобрял, осуждал устройство поминок при жизни, говорили, что люди совершают грех — "убол", взваливая на себя непосильные обязательства, приравнивая себя к умершим. Невозможно, говорили они, вести замкнутый образ жизни. Приведенные ограничения показывают, что совершивший обряд поминок при жизни, исключался из общества живых и переходил как бы в потусторонний мир.

Чтобы объяснить генезис обряда поминок при жизни, необходимо рассмотреть и обряд "туи пайгамбарӣ" (Шаартуз, Яван, к. Мачай Байсунского района), "оши пайгамбарӣ" (Шаартуз, Кабадиан), "ош додани худ", "туй додани худ" (Куляб, Яван), "пайгамбарошӣ" (Бухара, Пенджикент, Самарканд, Ленинабад); "синни пайгамбарӣ" (Самарканд)¹⁷ — торжество по поводу достижения возраста, в котором умер пророк Мухаммад, — 63 года. Кстати, термин "син" в таджикско-русском словаре толкуется не только как возраст, но и как цифровое обозначение 60.¹⁸

По народным представлениям, смерть человека в возрасте пророка не должна вызывать особых сожалений, так как это естественное завершение земной жизни. Сверх этого возраста идут "лишние" годы. Видимо, поэтому очень часто о старых людях в сердцах во время ссоры или в горе (особенно когда кто-то моложе болеет в семье или умер) говорят "сархур" — букв. "съедающий голову", так как считают, что старый человек свое отжил и вот теперь живет за счет других, что у этого старого душа еще крепка — "чонъш сахт", и всевышний никак не заберет.

Обряд "возраст пророка" совершают как мужчины, так и женщины. Причем в отношении последних делаются разноречивые высказывания. Одни, в основном мужчины, считают, что женщины не должны устраивать торжества, так как пророк — мужчина. Другие же говорят, что женщина, достигшая определенного возраста и переставшая менструировать — "ри-туально чистая", приравнивается к мужчине, а потому имеет право выполнять обряд. Но в одном все сходятся — мужчины и женщины, отметившие "возраст пророка", не должны вести половой жизни, так как считаются "хальфа", в народном толковании "праведник", отказавшиеся от плотских наслаждений. Если же обряд совершает только жена, то она обязана позволить мужу вновь жениться.

Как видим, и для отметившего торжество по поводу достижения возраста пророка, и для совершившего поминки при жизни имеются ограничения — половое воздержание, стремление вести аскетическую жизнь. Отметивший переступает как бы предел жизни и прододжает ее в качестве праведника на земле.

При совершении обряда "возраст пророка" режут жертвенное животное, делают угощение для приглашенных. В заключение знающий молитву дает благословение "фотиҳа".

Часто "туй пайгамбарӣ", как и поминки при жизни, устраивают родителям дети. Они берут на себя приглашение гостей, расходы на угощение, делают родителям подарки "сару по" (букв. одеть с головы до ног — платок, платье, обувь). В Самарканде отмечен факт, когда в день обряда дети и ближайшие родственники надели матери головной убор "лачак", называя это действие "саллабандон", "салла андохтан" — надевание чалмы.¹⁹ Обычно "саллабандон" устраивают женщине на празднестве по поводу обрезания первого внука "хатна туй". Известно, что обряд обрезания генетически относится к инициациям, которыми отмечают переход мальчика в юношескую возрастную группу.²⁰ Во время "хатна туя" не только мальчик, но и бабушка переходит в очередной, вероятно, последний возрастной класс, что и отмечается надеванием головного убора "лачак". По нашим материалам 1976, 1978 гг., "лачак" как элемент повседневной одежды пожилой женщины XIX века (называвшийся в этом качестве "кулута") в начале нашего столетия вышел из употребления и шьется теперь

лишь в ритуальной одежде — саване.²¹ В Самаркандской области, в верховьях Кашкадарьи "кулута" носили "только старухи, достигшие 63 лет, т.е. возраста пророка Мухаммеда".²²

К пережиточным возрастным инициациям женщин, вероятно, нужно отнести и обряд, отмеченный в Исфаре, Аште и близлежащих кишлаках. Здесь старые женщины в первом месяце лунного календаря (Мухаррам), называемого в народе "мохи ашур — месяц ашур"²³ делают угощение для соседок по поводу шитья головного убора собственного савана, который шьет специалистка "кулутадуз". Весь ритуал кроя и шитья сопровождается соответствующими молитвами.

По народным представлениям, человек в течение жизни проходит несколько стадий развития. Мужчина: детство (бачагй), юность (наврасй, суламагй), зрелость (мардй), старость (пири). Женщина: детство (кудаки), девичество (духгараки), молодуха (кинголаги, марчони), зрелость (модари), старость (пирй). Возможно, у таджиков в последнюю возрастную группу мужчин входили 60-летние, а у женщин и более молодые.

Приведенные материалы показывают, что у таджиков, как и у многих других народов, сохранились пережитки половозрастного деления, характерные древнему обществу,²⁴ и представления о пределе жизни.

В литературе о возрастных группах имеется ряд исследований.²⁵ Авторы отмечают, что человеческая жизнь группируется в 4-5 возрастных слоя. Переход из одной возрастной группы в другую отмечался специальными обрядами. "Каждая возрастная группа имела свои отличительные особенности, выражавшиеся в одежде, украшениях, прическах, в общественной жизни и в обязанностях, в нормах поведения, — пишет К.Л. Задыхина.²⁶ Г.П.Снесарев отмечает, что "мужские товарищества хорезмских узбеков делились на 5 групп и предельный возраст в старшей из них было 60 лет.²⁷ Среднеазиатские евреи — по сообщению А.С.Давыдова — считают пределом человеческой жизни 70 лет.²⁸

О четырех возрастных группах древних персов, согласно данным, извлеченным австрийским ученым Г.Кенигом из Авесты и Ахеменидских надписей, пишет К.В.Тревер.²⁹ В последнюю возрастную группу персов входили "старцы".

По данным Ю.А.Раппопорта, "60 лет и есть тот возраст, который называют, как правило, древние авторы, если они конкретизируют свои сведения о "пределе жизни" варварских племен".³⁰

Древние авторы пишут, что представление о пределе жизни было известно многим народам, в том числе народам Бактрии и Согдианы. Люди, достигшие предела жизни, умерщвлялись и "такой (конец жизни) считается у них счастливейшим".³¹ Бактрийцы и согдийцы выбрасывали старых людей живыми на съедение собакам, которых специально держали для этих целей.³² Массагеты, исседоны доживших до старости людей убивали, а затем варили вместе с мясом убитого скота и съедали.³³ Каспии, по сообщению Страбона, доживших до семидесяти лет морят голодом.³⁴ По свидетельству Геродота, в индусском племени падеев "убивали и съедали всякого захворавшего, чтобы мясо не испортилось", "а старцев торжественно закапывают и приносят в жертву божеству и так же съедают".³⁵

В законах Ману говорится, что состарившийся царь должен передать престол сыну, а сам пойти искать смерти.³⁶ Ахеменидский царь в 52

года сходил с престола", и это была смягченная форма ритуального убийства", пишет К.В.Тревер.³⁷ И позднее, в письменных источниках средневековья (вплоть до XIX века), имеются сведения о пережитках обычая убийства у восточных народов: тибетцев³⁸, народов Сибири, Алтая, Казахстана, Монголии, Китая,³⁹ у славян.⁴⁰ По бурятским преданиям, для 70-летнего старика устраивали пир, во время которого внук клал своему деду в рот кусок бараньего курдюка и заталкивал его длинной костью, отчего старик и умирал.⁴¹ На островах Фиджи, во многих местах, писал Л.Я.Штернберг, невозможно встретить человека старше 40 лет, так как достигших этого возраста убивали.⁴² Все эти данные говорят о том, что возраст ритуального умерщвления, по выражению Н.Н.Велецкой, "носил условный характер".⁴³ Были иные признаки ритуального убийства. Их мы рассмотрим позже.

Источником данных о бытовании в прошлом обычая убийства старых людей является и фольклор. М.С.Андреев на основе преданий и легенд таджиков Хуфа, Шугнана, Самарканда пришел к выводу, что "свойственный первобытным народам обычай убийства стариков существовал, по-видимому, не так давно еще в Хуфе, а также вообще в верховьях Пянджа, а, может быть, еще не в столь отдаленную эпоху и среди таджиков вообще".⁴⁴ И далее: "Может быть, именно остаток от этой эпохи сквозит в следующем коротком стихотворном, отрывке, встреченном мною в Средней Азии: Зан ба ҳафтод раваду намирад, ту зану куш. Бо табар кушта ни зан одати мардон бошад. — Если жена дожила до семидесяти и не умерла, то ты ее бей и убей! Убивать топором женщин — таков бывает обычай мужчин".⁴⁵

Н.А.Кисляков дает большой сравнительный материал, охватывающий эстонцев, литовцев, шведов, ирландцев, русских, турок, индусов, китайцев.⁴⁶ Он считает, что обычай убийства старых людей у таджиков существовал в отдаленном прошлом, когда еще "не сложилась прочная хозяйственная жизнь и патриархальные отношения". В то же время он допускает возможность пережитков обычая не в столь отдаленные времена, объясняя это тяжелыми условиями жизни в горах.⁴⁷

М.С.Андреев и Н.А.Кисляков основывают свои исследования на разборе известной легенды, имеющей много вариантов, суть которой сводится к следующему. Царь попадает в трудное положение. Выход находит человек, действовавший по совету своего старого отца, которого, согласно обычаю, он должен был убить, но пожалев, сохранил. Об этом узнает царь и отменяет обычай убийства стариков. Нами записаны два варианта этой легенды, не отмеченные в указанных работах.

"Однажды царь увидел сон, в котором три тощие коровы съели трех упитанных. Наутро царь рассказал свой сон везирям и потребовал от них толкования. Но они не знали. Тогда сон рассказали приближенным. Среди них был "сарлашкар" — военачальник, который не знал разгадки сна и, огорченный (маьус), пришел домой. Отец его, узнав в чем дело, удивился незнанию везиров и сказал: "Скажи царю, что ближайшие три года страна будет процветать, люди будут довольны и сыты, урожай большим. Надо делать запасы продуктов, наполнять хумы, стены обмазывать глиной, замешанной на зерне. Следующие три года на страну нападёт голод и мор. Люди будут убивать друг друга. Три упитанные коровы — три года процветания, три тощие коровы — три года мора и голода". Царь узнает, что сон растолковал отец, которого сын, вопреки бытовавшему обычаю, не убил, и оценив мудрость стариков, приказывает отменить обычай.

В другом варианте легенды царь видит свет "рушной" в воде и требует его достать. Сколько ни пытаются люди взять свет, не могут. Тогда отец одного приближенного, знающий человек "олим" сказал, что у воды растёт дерево, на нём овеча — "шамь", отражение которой царь видит в воде. Но свечу нельзя будет взять, так как её держит божественная птица "симург". Действительно, как только протягивали руку за свечой, птица взлетала. Тогда решили срубить дерево, но как только топором касались его, дерево с корнями вырывалось из земли и тут же на глазах вращалось в другое место. Узнав об этом "олим" сказал, что тот, кто срубит дерево, погибнет сам "қоқ меша", так как дерево, как и птица, свято. Царь, узнав, что все советы исходят от старца, приказывает отменить обычай убийства стариков.

Во всех легендах есть часть, где от лица рассказчика говорится, что в старину был обычай убивать своих старых родителей. Сыновья сажали стариков в корзину или просто на закорках относили их далеко от села, где в специально отведенных местах должны были оставлять их умирать или убивали, сбрасывая их вместе с корзиной в пропасть. В Шугтнине есть местность, называемая "Бобы-хор" (поедающее предков).⁴⁸ В дороге уставшие сыновья садятся отдохнуть на камень, и здесь отец смеётся. На вопрос: "Чему он смеётся?", старик отвечал: "Вспомнил, как я так же нес своего отца и так же отдыхал на этом самом камне. И вас понесут ваши дети, а ваших детей — их дети". Жалко становится детям отца, и они возвращают его домой и прячут. В варианте легенды, записанной в Кулябе, дети сохранённого отца прячут в сундуке и носят его с собой в военных походах.

В легендах, записанных нами в Кулябской и Курган-Тюбинской областях, привлекают внимание две характерные особенности. Вначале оговаривают, что события преданий происходили в давние времена "торикистон-темноты", т.е. до появления света ислама — "нури ислом", или в период царствования Искандара (Александра Македонского). Заканчивая рассказ, замечают, что Искандар запретил убивать старых людей. При этом говорили известное двустишие: "Бе пир нарави дар амонӣ, гарчанд ки Искандари замони". Удивительно соответствие легенд с сообщениями древних авторов о том, что Александр Македонский, возмущённый варварским обычаем бактрийцев и согдийцев, "упразднил" его.⁴⁹

Следы обычая убийства старых людей нашло отражение и в фольклоре узбеков. Если старого человека попрекнут возрастом, то он спрашивает попрекнувшего: "Ты что? Мое мясо есть собираешься".⁵⁰

Почему же древние убивали старых людей? Безусловно, как отметил ещё Д.К. Зеленин, явление это стадияльное, характерное для идеологии одной из стадий развития примитивного общества.⁵¹ Согласно этой идеологии, душу или по более раннему представлению жизненную силу надо было уловить, пока она не ослабла, надо дать ей жить здоровой в загробном мире или поглотить, букв. съесть ещё сильной и крепкой.⁵² Важно было сохранить не только физические свойства индивида, но и "морально-интеллектуальные".⁵³ Считалось, что в стареющем организме не только тело, но и дух становится больным, опасным для окружающих.⁵⁴ Именно в стремлении сохранить в полном расцвете сил дух сородича коренился обычай умерщвления.⁵⁵ Опасным считался и тот, кто умер своей смертью. Тем самым он якобы приносил гибель и несчастье своим соплеменникам.⁵⁶ Ритуальное умерщвление совершали при появлении первых призна-

ков старости — первый седой волос, выпавший зуб, слабая половая потенция и т.д.⁵⁷ Вероятно, у женщин время ритуального умерщвления наступал, как только она теряла способность деторождения. Пережиток этого представления можно еще было наблюдать не так давно в сельской местности у таджиков. Как уже говорилось (стр. 104), женщина, ставшая ритуально чистой "банамоз", признавалась праведницей "хальфа".

Дж. Фрэйзер приводит примеры того, как члены общины, стараясь сохранить для общества силу, лучшие качества умирающего вождя, жреца, съедали пищу, вложенную ему в руку; ловили ртом последнее их дыхание и т.д.⁵⁸ Аналогичные представления прослеживаются в обряде похорон старых людей и у таджиков. На похороны старого человека собирается много народу. Похороны часто приравниваются к торжеству — "тую". Все охотно едят поминальную пищу на поминках старого человека, берут "хайрот" (милостыня, раздаваемая в виде денег или материала), водой, оставшейся от обмывания, умываются, сажают детей на место, где лежал покойник, чтобы ему передалось долголетие умершего. Иногда, где лежал, если не хватало материала, делили на куски одежду и буквально вырывали ее из рук. "Хайрот" берегли как "табарук" — "благословенное", так как считалось, что старые люди обладали божественной (сверхъестественной) силой, которая переносится на предметы и одежду его. Взятый "хайрот", вместе с ним забирал как бы себе часть маны.⁵⁹ По народным представлениям, со смертью старого человека может исчезнуть в доме благодать, благополучие. Потому что все это было благодаря умершему, он был носитель "бараката" и мог его забрать с собой. Во избежание этого делали следующее — брали соль, муку или тесто, клали в ладонь умершего, а затем хранили эти предметы "баракати даст" — "благодать руки" в ларе с мукой или на полке.⁶⁰ По народным представлениям, есть люди, которым вообще, независимо от их возраста, сопутствует счастье, удача — "файзу баракат". Они как бы рождены с этим свойством или духом. Аналогичные представления о счастье, именуемые "фарн", даются в Авесте и поздних зороастрийских текстах.⁶¹ Там говорится, что "свой фарн есть не только у каждого человека, но и у каждого дома, селения, области и страны, как и у народа в целом".⁶² Б.А. Литвинский, рассмотревший представления о фарне в верованиях зороастрийцев, южных племен России и народов Средней Азии, считает, что представления о "благодати" у таджиков есть ничто иное как "сохранившиеся переживания верований в фарне".⁶³

Ю.А. Рапопорт, исследуя древний обычай убийства стариков, пишет, что результатом этого обряда было не только сохранение "божественного духа", но и новое воплощение души убиваемого, его возрождение, что говорит и о тотемическом характере древнего погребального обряда.⁶⁴ Представления о реинкарнации души сохранились у многих народов мира.⁶⁵ Согласно им, души умерших переселяются в новорожденных, животных, птиц, деревья, камни. Реликты тотемических представлений сохранились в народных верованиях и у таджиков. Например, если умершего оставляют на ночь в доме, то в его изголовье ставят блюдо с мукой. Считается, что к утру на блюде должны появиться следы какой-либо птицы "паранда" или животных. Желательны, как предвещающие хорошее, были следы птиц или бабочек. Вероятно, по следам определяли, в кого переселилась душа умершего, которая, согласно народным верованиям, в течение трех

дней находится в доме. В исследуемых районах воплощением душ умерших считают бабочку "парвона", "парвоник". Ее никогда не убивают и, если она залетает в дом, осторожно ловят и смазывают ее крылья толстым маслом, называя это "арвоха сер кардан" — "кормление души". 66

Таким образом, обычай убиения старых людей коренился в глубокой вере, что это необходимо как для убиваемого, так и для остающихся на земле членов общины. Он признавался "гуманным" актом, так как сохранял (и это было главное) душу-покровительницу. Только у убитого человека душа пребывала в вечности с душами ранее "обожествленных" предков. Вследствие этих представлений некогда и бытовал обряд убиения стариков, и как пережиток этого обряда до нас дошли прижизненные поминки. Прижизненными поминками старые люди как бы отмечали завершение земной жизни, переход в мир предков. Взамен своей души стали отправлять душу жертвенного животного. Отметившие поминки становились "живыми умершими" — "ба қатори мурдаҳо". Вероятно, в пору бытования обычая убиения старых людей, обряду сопутствовали определенные ритуалы. Возможно, обряд совершался ни над одним человеком, Le а над группой людей, достигших предела жизни, в какое-то определенное время года. На это указывает бытовавшая у памирских таджиков в конце XIX века коллективная форма обряда прижизненных поминок, очень хорошо и подробно описанная в указанной статье З.Юсуфбековой.

Многочисленные данные, приводимые Д.К.Зелениным, Л.Я.Штернбергом и другими авторами, легенды и предания, дошедшие до наших дней, говорят о том, что основными исполнителями обряда убиения старых людей, как и обряда прижизненных поминок, были их дети и ближайшие родственники.

Безусловно, изживание обычая происходило не одновременно по всей земле и было связано не только с возможным запретом определенного лица, а происходило вследствие изменений взглядов человека на старость и старых людей. "Только когда развивается сознание цены мудрости и опытности, долгая жизнь стариков считается желательной". 68 Трудно определить, какой исторический отрезок времени длился процесс изживания обычая убиения старых людей. Приведенные выше материалы показали, что еще в XIX в. он бытовал в отдельных местах (Малороссия, Монголия, о.Фиджи, народы Севера). Возможно, что к приходу Ислама в одних местах был жив обычай, в других — его пережиток — поминки при жизни. Ислам, боровшийся против языческих обрядов, не мог примириться со "сверхъестественностью" простого смертного и внес свои коррективы — считать пределом человеческой жизни возраст, в котором умер пророк Мухаммад. Как думается, по этой причине и появился обряд "туи пайгамбарӣ" — торжество по поводу достижения 63 лет. Так стали сосуществовать эти два обряда, фактически две стороны одной медали. Отметим, что горные таджики южных районов больше проводят прижизненные поминки — "хайру худои", "ошу ов", маърака", а равнинные таджики — торжество "пайгамбароши".

Итак, поминки при жизни — не только символическое "кормление старика", 68 а пережиток древнего обычая убиения старых людей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 В статье использованы полевые материалы 1975-1983 гг., записанные автором у уроженцев Дарваза, Каратегина, Нурека, Кабадиана, Явана, Шаартуза, Куляба, Файзабада, Душанбе.

2 Литература о бытовании обряда прижизненных поминок у европейских народов дается в работе Н.Н.Велецкой. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. - М., 1978. - С. 156-157;

О бытовании этого обряда у среднеазиатских цыган пишет Х.А.Назаров. Современное этническое развитие Среднеазиатских цыган //Сборник - Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. - М., 1980. - С. 173.

3 М.Рахимов пишет о прижизненных поминках у таджиков Тавиль - Дары. Рахимов М. Обычай и обряды у таджиков Кулябской области //Изв. АН Тадж.ССР. - Сталинабад, 1953, - Вып. 3. - С. 125.

4 Писарчик А.К. Смерть. Похороны. - В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. - Вып. 3, 1976, - с. 159, 192 (прим. 176), 193 (прим. 177, 178).

5 А.К.Писарчик приводит и противоположные высказывания информаторов о том, что совершение поминок при жизни, как и прочтение Корана по себе, воспринимаются детьми как выражение недоверия к ним, "бросают тень на детей". Писарчик А.К. Ук. соч., с. 159, 193.

6 Там же, с. 193.

7 "Тахлил" - анализировать, разбирать. Таджикско-русский словарь. -М., 1954, - С. 390.

В Ура-Тюбе на "тахлил" приглашают 10 домоулю. Им подают мешочек с 1000 камешками и четырьмя рублями. Тот, кто открывает мешочек, забирает себе деньги. Пришедшие над каждым камешком прочитывают молитву.

8 Юсуфбекова З. Некоторые особенности шугнанских погребальных обрядов/Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. -Л., 1981; Она же. Поминки при жизни в Шугнани. Исследования института этнографии, 1983. - М., 1987. - С. 182-190.

9 Там же, с. 182-183.

10 Там же, с. 183.

11 Там же, с. 183.

12 Там же, с. 183.

13 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. - Сталинабад, 1953.-Вып. 1. - С.192; М.Рахимов. Обычай и обряды у таджиков Кулябской области, с. 125; А.К.Писарчик. Смерть. ...., с. 156.

Полевые материалы по Кулябской области дают ясную картину устройства поминальных обрядов. В районах сплошной таджикской оседлости - север Бальджуана, Ховалинг, Сари-Хасор, Дашти-Джум, Шуроабд - поминок первого дня не делают. В южных и юго-западных районах, где население смешанное, в день похорон устраивают поминальное угощение.

14 Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. - Душанбе, 1970. - С. 142-143; Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана //Среднеазиатский этнограф. сборник: Занятия и быт народов Средней Азии. -Л., 1971. -С.242.

Не устраивают поминок первого дня таджики Ашта, Исфары, Вайсуна. Полевые материалы 1976-1978 гг.

15 Рахимов М. Обычай и обряды, связанные..., с. 124; Андреев М. С. Таджики долины Хуф..., с. 192; Он же. Материалы по этнографии Ягноба, с. 142; Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычай, обряды и поверья..., с. 242.

16 Писарчик А. К. Смерть..., с. 192.

17 Информаторы называли все перечисленные термины. Но наиболее употребительны, по их словам, для северных таджиков термин "пай-гамбарош".

18 Таджикско-русский словарь. - М., 1954, - С. 358.

19 О. А. Сухарева в статье о головных уборах упоминает обряд "саллабандон", совершаемый "лишь один раз в жизни". См.: Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Средне-азиатский этногр. сборник. - 1954. - Т. 1. - С. 324.

20 Снесарев Г. П. К вопросу о происхождении праздника суннатой в его среднеазиатском варианте // Среднеазиатский этнографический сборник: Занятия и быт народов Средней Азии. - Л., 1971. - С. 263 - 267.

21 Бабаева Н. С. Некоторые новые сведения о головных уборах савана // Республиканская научно-теоретическая конференция молодых ученых и специалистов Тадж. ССР, посвященная XXVI съезду КПСС. - Душанбе, 1981. - С. 10-11.

22 Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сб. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии - Л., 1970. - С. 30,

23 В статье С. М. Марр "Мохаррам" говорится, что термин "ашура" согласно литературным данным, употребляется с ХУ в. Происходит он от арабского "ашара" - десять. Для шиитов ашур - святой 10-й день месяца мохаррам. "Иногда, - пишет автор, - ашурой назывался весь процесс оплакивания". См.: Марр С. М. Мохаррам // Сб. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. - Л., 1970, - С. 318.

24 Попов А. А. Материалы по родовому строю долган. - СЭ, 1934. - № 6. - С. 118, 119; Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. - 1938. - № 1(2). - С. 72 - 81.

25 Шаревская Б. И. Старые и новые религии тропической и южной Африки. - М., 1964, - С. 211; Иорданский В. Б. Хаос и гармония. - М., 1982. - С. 245-253; Исхаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX века. - Алма-Ата, 1975, С. 129.

26 Задыхина К. А. Пережитки возрастных классов Средней Азии. ТИЭ, новая серия, 1951. - Т. 14. - С. 157-159.

27 Снесарев Г. П. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма. - МХЭ, вып. 4. - М., 1960. - С. 140; Он же. Пачиз. // СЭ, 1962. - № 5. - С. 82; Он же. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии. - МХЭ, вып. 7. - М., 1963. - С. 155.

- 28 Сообщение А.С.Давыдова, за что автор выражает ему искреннюю признательность.
- 29 Тревер К.В. Древнеиранский термин "Рачпа" (к вопросу о социально-возрастных группах) // Изв.АН СССР, СИФ, т.4, № 1, - М., 1947. - С. 73.
- 30 Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма. - М., 1971. - С. 33.
- 31 Древние авторы о Средней Азии (У1 в. до н.э. - III в. н. э.); Хрестоматия (Под редакцией Л.В.Баженова. - Ташкент: Гос.изд-во УзССР, 1940. - С. 141-145.
- 32 Геродот. История в девяти книгах (Перевод и примечания Г. А. Страгановского. - Л., 1972. - С. 79.
- 33 Там же.
- 34 Древние авторы о Средней Азии..., с. 141-145.
- 35 Геродот. История в девяти книгах, с. 169, 170.
- 36 Штернберг Л.Я. Убийство детей и стариков у первобытных народов // Энциклопедический словарь. - Брокгауз и Эфрон, 1902 г. - Т.67 - С. 403.
- 37 Тревер К.В. Древнеиранский термин..., с. 74.
- 38 Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука. - СПб., 1911. - С. 109.
- 39 Зеленин Д.К. Обычай "добровольной смерти" у примитивных народов: Сб. памяти В.Г.Богораза. - М., Л., 1937. - С. 47-77.
- 40 Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. - М., 1978. - С. 42-60.
- 41 Зеленин Д.К. Обычай "добровольной смерти" у примитивных народов..., с. 66.
- 42 Штернберг Л.Я. Убийство детей и стариков у первобытных народов..., с. 403.
- 43 Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов..., с. 60-62.
- 44 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. 1953. - Вып. 1. - С. 209.
- 45 Там же, с. 209.
- 46 Кисляков Н.А. О древнем обычае в фольклоре // Сб. Фольклор и этнография. - Л., 1970. - С. 70-82.
- 47 Там же, с. 82.
- 48 Андреев М.С. Таджики долины Хуф..., с. 210.
- 49 Древние авторы о Средней Азии..., с. 144-145.
- 50 Тревер К.В. Древнеиранский термин..., с. 74.
- 51 Зеленин Д.К. Обычай "добровольной смерти" у примитивных народов..., с. 49.
- 52 Древние авторы о Средней Азии..., с. 141-145.
- 53 Фрэзер Дж. Золотая ветвь. - М., 1980. - С. 300-308.
- 54 Зеленин Д.К. Обычай "добровольной смерти"..., с. 54; Б.И.Ша - ревская. Старые и новые религии тропической и южной Африки. - М., 1964. - С. 113, 114.

- 55 Зеленин Д.К. Ук. соч., с. 56-67; Дж.Фрезер..., с. 303, 323.
- 56 Зеленин Д.К. Ук. соч. с. 57; Б.И.Шаревская. Старые и новые религии, с. 113, 114, 115.
- 57 Шаревская Б.И. Ук. соч., с. 113-115; Дж.Фрезер..., с. 300-308.
- 58 Фрезер Дж. Ук. соч., с. 303, 323.
- 59 Мана – сверхъестественная сила, носителями которой могут быть люди, животные, различные предметы, а также и духи.
- 60 Аналогичные представления о сохранении "благодати" в доме у таджиков Каратегина и Дарваза даны в работе А.К.Писарчик, А.К.Писарчик. Ук. соч., с. 131-132.
- 61 Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе, 1968. – С. 46-58.
- 62 Там же, с. 50.
- 63 Там же, с. 108; Заметим, что наряду с этим в таджикских народных представлениях бытует воззрение, что есть люди-носители бед, несчастий – "наҳс". Общение с ними опасно, так как их "наҳс" отрицательно действует на окружающих, вносит разлад и беды в семьи. В таких случаях говорят, что счастье и благоденствие улетели – "файзу баракат парид" из-за "наҳса" такого-то. В зороастризме "насу" – олицетворение смерти. Она может вселиться как в мертвых, так и в живых людей, если не соблюдать особые предписания. См. Е.А.Дорошенко. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). – М., 1982. С. 55.
- 64 Раппорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма..., с. 26-27.
- 65 Демидов С.М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен // Тр. института истории, археологии и этнографии. – Ашхабад, 1962. – Т. У1. – С. 195; Б.И.Шаревская. Старые и новые религии тропической и южной Африки..., с. 60, 137, 150, 205; Б.П. Шишло. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Сб. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С. 248-260.
- 66 Представления о переселении души у таджиков долины Хуф приведены М.С.Андреевым, М.С.Андреев. Таджики долины Хуф., с. 204, 205, 207, 208.
- 67 Каллаш В.В. Положение неспособных к труду стариков в перво-бытном обществе // Этнографическое обозрение, 1889, кн. 1. – С. 113.
- 68 Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. – М., 1972. – С. 113.